

R 449
1068 М. М. Зимин.

Н.Т
3-62

Плачи по призванным на военную службу.

(Из записей в Ковернинском крае Костромской губернии в 1916 и 1919 годах).

Ф. Д. Мефедов.

Причитания записанные в Кологривском уезде, Костромской губ. в 70-х годах.

(Отдельный оттиск из XV вып. „Трудов Костромского Научного Общества по изучению местного края“).

КОСТРОМА.

Типография „Северный Рабочий“.

1920.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

3045-71

ПЛАЧИ ПО ПРИЗВАННЫМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ С. С. КОКОРЕВО

(Из записей в Ковернинском крае Костромской губ.,
в 1916 и 1919 годах).

В прежнее (не военное) время по окончании полевых работ деревенская молодежь призывного возраста начинала весело гулять. Шумно, партиями каталась по соседним селениям, громко распевая под „игрушку“ (гармонику) „Последний нынешний денечик...“, а больше частушки. Для храбрости изрядно выпивали. Среди других призываемые выделялись рекрутскими тужурками и шапочками набекрень (на правое ухо). С большой неохотой шли они на службу и, чтобы избавиться от нее, старались всякими средствами повредить своему здоровью: пили деревянное масло, чтобы пожелтело тело, „отравляли кожу“ на ногах, прокалывали барабанные перепонки и т. п. Во время самого призыва у приемной стоит толпа народа. Родные призываемых ждут „участи своих“. Стражники выкрикивают по десятку: Иванов, Кляузов, Прыгунов, Жохов и т. д. Будучи приняты на службу, рекруты злобно относились к освободившимся, всячески угрожали им. Иногда опасно было выходить освободившимся из приемной; чтобы свободно выйти, они старались „лгать“, крича при выходе: „забрили“, „принят“. После этого раздается громкое „у..ра...а..а...!!!“ с гиканьем и присвистом, а иначе намнут бока и даже спустят с верхней ступени. Затем принятые на службу шли „бриться“ (стричься на голо) и после гуляли еще шумливей и пьяней. Но некоторые не сразу сказывали родным о принятии их на службу, как будто не желая огорчать родных. Родные как только узнают, так и „заревут в голос“, хотя и знают, что служба теперь не прежняя—строгая и недолгая и что во время службы можно побывать домой, но все-таки одни, как дорогого работника-кормильца, а другие по заведенному обычаю—провожают плачами, причетом. Бывали случаи—плакали для отвода глаз, чтобы избежать осуждения „соседей“—„Ишь и не жалеют“, „не жаль“, „ровно рады сбить с рук“ и т. п. Кроме родных, мобилизованных провожали друзья и „заснобушки“, которым рекруты „вьявь“ говорили: „Мотри, не балуй без миня-то! а то дойдут слухи до меня, тогда разом прикончу...“.

Во время Русско-Германской войны, живя в Ковернинском (быв. Макарьевском) уезде Костромской губ., пришлось наблюдать, как протекали призывы на военную службу в то время, и поближе познакомиться с рекрутскими причитаиями. Молодежь также весело гуляла, как всегда, и, несмотря на закрытие винной торговли, по прежнему была пьяна от самогонки, кумышки и других суррогатов местного приготовления, причем подчас позволяла себе и много лишнего в поведении, например, по пути к г. Макарьеву при отказе

2019373417

в выдаче вина разбивали казенки. Так было в первую мобилизацию 1914 г. На их шалости домашние и другие смотрели снисходительно: „пуцай подурят“, „поломаются“, „потешатся“, „тамой (на службе) их усмирят“. Не так весело гуляли семейные, хотя и они пили—большей частью для того, „чтобы заглушить тяжелое чувство разлуки“, но грусть одолевала, брала свое и особенно сказывалась при проходах. Еще накануне проводов в каждой семье „собирают“ своих, готовят белые и „ясва“, некоторые ходят в церковь служить напутственные молебны, а в день отправки рано утром приходят и приезжают родные из других, даже дальних селений и собираются целой деревней у дома провожаемого. Когда мобилизованный выходит из дома, слезы льются „рекой“. Плачет вся семья „от мала до велика“. Выйдя на улицу и уложив вещи в повозки, отправляются в путь, впереди идут мобилизованные, а за ними родные и „вся деревня“. В конце селения прощаются с ними. Тут-то вот и происходит действительно душу раздирающая картина. Плачут не только матери, жены и сестры, но и ребятишки и даже взрослые чужие. Многие падают в „обморок“ и так сильно обнимают мобилизованных, что их с трудом отрывают. Эти плачи не прежние, не те, что были в мирное время, для „близиру“, тут действительно слезы, вырванные горем. Но особенно искренни слезы матерей: „кровное дите всегда матери дорого“, особенно, когда провожают единственных сыновей, „кормильцев-поильцев“. И жена, оставшись „с малыми детьми“, тоже плачет искренне. Иной раз плачет и „заснобушка“. Некоторые свое горе выплакивают „причетом“, „воем“, а большинство, припав к груди, на плечо уезжающего или повиснув у него на шее или сжав свои головы руками, выкрикивает „Ой! Ой! Ой!.. батюшка.. кормилец наш, ох, ох, ох!.. милый ненаглядный мой, ох! дорогой ты ты наш... не забывай нас, пиши, молись Богу и Матушке Царице Небесной, заступнице нашей...“ Ребятишки кричат: „Тятя... ы... тя...“ Призываемый успокаивает: „не горюйте, ведь скоро вернусь, што реветь-то, молитесь больше Богу“, обращается к родным: „Не забудьте сирот моих“...

Особенно глубокой стала скорбь народная при современных мобилизациях. В августе 1919 г. при поездке по Ковернинскому и Макарьевскому уездам мне приходилось видеть проводы „дезертиров“. Они собирались большими партиями и шли пешком. Плакали их, как мертвецов или людей, заранее приговоренных к смерти. Провожали их, как на „неминучую“ смерть, которую они должны встретить или на войне или в Костроме. Только и слышно было: „Милый, прощай... прости... Благослови деток... ох, ох... ох...“ и падали в обморок. На многих „дезертиров“ сильно действовало это, и некоторые теряли присутствие духа и впадали в „столбняк“, а по уходе с дороги частенько оглядывались назад, махая фуражкой и вытирая слезы кулаком. На пароходе по Унже я видел, как нервничают красноармейцы; ляжет спать и моментально вскакивает, схватится за голову, глубоко вздохнет, выйдет на верх парохода и смотрит в свою сторонку. Начинает ли закусывать домашних „ясв“—поглядит сначала на домашнее продовольствие, откусит, а уж из глаз его каплют слезы. Некоторые подсмеиваются: „эх ты, баба, заревел!“, а бывает—посочувствуют, погорюют вместе. В деревне Вершинино

мне рассказывали, что при последнем прощании не были так облиты дождем камни, как обливались слезами: „ревели до упаду, до безпамятства“. Некоторые провожают уже не первых и сдерживают слезы: „вытекли все слезы-то“, „горло пересохло“, „так стало-быть Богу угодно“, „надо терпеть и переносить все“.

Несколько причитаний над призванными удалось мне записать в 1916 и 1919 годах: 1) в Skorobogatovskoy vol., в дер. Медвежкове-Кобелеве (Ковернинск. у.) в 1916 г., записано в тот момент, когда старушка провожала единственного сына; 2) записано в той же деревне со слов девицы, проводившей своего брата, в том же 1916 году; 3) в деревне Вершинино, Коверн. у., от К., в августе 1919 г. после проводов; 4) записано там же и тогда же от М.

Когда записываешь со слов при рассказах, не получается действительного впечатления; сами рассказчицы заявляют: „Ох, уж все то и не скажешь так-то“, „тово не скажешь, што была при проходах-то, а при горе-то найдется причетов-то не мало“. Бывает, что и при рассказах заливаются горькими слезами, чем и прерывают запись. И по многим другим причинам очень трудно записать причитание в самый момент действия. Трудно разобрать все слова издали, а близко—мешают зрители и т. п.

Кроме моих записей для сравнения ниже помещаются причитания из других уездов Костр. губ.—из этнографических материалов Костромской Ученой Архивной Комиссии, записанные в 1900 году: одно (мать по сыне)—свящ. П. Пановым, у-цей Трояновой и уч-лем А. Вознесенским в с. Куникове, Мисковской волости, Костромского уезда, другое (сестра по брате)—С Шаровым в Варнавинском уезде, Богородской вол., в д. Замятихе.

Особо в настоящем выпуске печатается восемь причитаний, записанных известным писателем этнографом Ф. Д. Нефедовым в 70-х годах в Кологривском уезде; записи эти сообщены Костромскому Научному Обществу Владимирской Уч. Архивной Комиссией, в архиве которой хранятся рукописи покойного этнографа. Эти причитания могут быть сравнены с „нынешними“, и, сравнивая их, можно видеть, как сильно, даже за небольшой промежуток времени, изменяется „плачущая“ народная поэзия *).

*) Историю развития и значение „плачущей поэзии“ подробно выяснил Е. В. Барсов, собравший богатейший материал в Олонекском крае („Причитания Северного края“, ч. 2-я. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские М. 1882 г.). Помимо того, причитания по рекрутам записаны в Тульской губ. Д. Успенским (Ж. Ст. 1896 г., в. 2, 242—248, статья: „Рекрутские причитания“), в Вытегорском уезде, Олонекской губ., студ. А. Мельничкиным (Ж. Ст., 1894 г., в. 2, стр. 215—221, статья „Рекрутчина“) и в Новгородской губ. А. Суворовским (Этногр. Обзор. 1907, № 3, 92—94, ст. „Вопли“ Новгор. губ.), к которым и отсылаем всех интересующихся этого рода народной поэзией.

Мать по сыне.

Узо свет ты чадо милое,
Уж куда ты собираишься?
Ни в торги ты, ни во ярмонки,
Ни на веселое гуляньицо—
Собираишься, ясен сокол,
На чужую ты сторонущку.
Молодым ты молодехонек,
Умом-разумом глупехонек,
Собираишься, ясен сокол,
Ты под пули уж под быстрые,
Под сабли ты под вострые,
Ой, ой, ой,
Под штыки узо ты под светлы.
Узо тебе то, чадо милое,
Ой, ой, ой,
Не сложить бы буйну голову,
Ой, ой, ой!
Узо, свет ты, чадо милое,
Напиши-ко письмо-грамотку,
Извещай-ко нас злыдарных,
Про свое житье солдацкое.
Узо, ой, ой, ой!
Болезное мое дититко,
Напримаишься ты холоду,
Ой, ой, ой,
Уж ты холоду и голоду.
Ой, болезное мое дититко,
Ты оставил нас злыдарных,
Ой, ой, ой,
Ты при старости, при древности,
Ой работать у нас работу некому—
Без тебя болезно дититко,
Ой, ой, ой, . . .

Сестра по брате.

Уж, родимой ты мой, милой брат,
Уж куда ты собираишься,
Собираишься, мой милой брат,
На чужую на сторонущку?
Нам откуда тебя ждать глядеть,
Со которые сторонущки?
На чужой дальней сторонущке
Кто приветит брата милова?
На чужой дальней сторонущке
Нет ни батюшки, ни матушки,
Только есть-то судьи грозные,
Да начальнички военные.
Там приветить тибя некому,

А журить-то бранить есь кому.
На чужой дальней сторонущке
Больно прытко понамаишься,
Вного *) горя напримаишься,
Вного нужды навидаишься.
Там напитки не медвяные,
Там и ясьвы не сахарные,
Там не светит красно солнышко,
Только дуют ветры буйные,
И несут там снега белые,
И зальют там дожди сильные,
И потопят грязи черные.
На чужой дальней сторонущке
Там постеля-то не мягкая
И сголовье не высокое,
Одеяло-то не теплое,
Там постеля мать сыра земля,
А сголовье бел горюч камень,
Одеяло ветры буйные.
Уж тыхватишься, мой милой брат,
Ты своей жисти домашнией,
Присылай-ко письмо-грамотку—
Я приеду, лебедь белая,
Уж к тебе я в дороги гости,
Прилечу я вольной мташечкой,
Сизокрылой я пичужычкой.
Уж ты стреть-ко миня, милой брат,
И возьми-ко на белы руки.
И стану я, лебедь белая,
У тебя я все выпрашивать,
И про свою я жизнь рассказывать,
И стану звать я в дороги гости.
И пойду я к царю белому
Уж тебя я, дорогой мой брат,
В дорогие гости отпрашивать:
„Уж ты, батюшко, наш белой царь,
Отпусти-ко в дороги гости
Ты мово-то брата милова,
Хоть на малое-то времичко,
На одно хоть клено летичко,
Поработать с нам работушки:
У нас батюшка старехонек,
Да и матушка древнехонька,
Работать работу некому“.
Без тебя-то мой родимый брат,
Больно прытко понаскучились,
Приходи-ко в дороги гости,
Уж мы будем тебя ждать,
Глядеть со чужие-то сторонущки.

*) Так и произносится: не „много“, а „вного“.

И не зачем ты не раскладывай,
Не за реченькам-ту быстрыем,
Не за грязем-ту за черным,
Не за лесикам-ту темным.
Уж продам я, лебедь белая,
Я свое все светло платицо,
Отложу я все гуляньице,
Соберу я золоту казну,
Пойду стречу брата милова,
Через реченьки-те быстрые,
Я найму-то лехки лоточки,
Через грязи-то я черные
Настелю моста кленовые,
И поряжу я, лебедь белая,
Прирубить-то леса темные,
И найму-то я добрых коней,
Привести-то брата милова.

Мать по сыне.

Болезно ты мое дититко,
Когда ты был у белой груди,
У мово ретива сердца,
Так ни болело-то
Так сердечушко,
Ни болело так ретивое.
Уж как взрос ты, дититко,
Уж пошел в чужи люди,
Да как увидили добрые люди,
Наехали начальнички,
Да потребивали чада милова
Уж они то ево в приемнушку
(И) о, забрили ево в солдатушки.
Уж не так бы сердце рвалось,
Да не так-то надрывалось,
Как уж прежние времичко,
Прежние тихое.
Коли служили они десвительной—
Уж не так страсти великие,
Уж не так сымали с плеч головушки,
А топеришне-то времичко—
Страсти-то великие—
И уж гонят, как скотинушку,
Под ружьи-ти их под светлые,
Уж под пули-ти шипучие,
Под сабли-ти ясные.
Уж как срубят с плеч головушку
На чужой-та сторонушке,
Уж положат чадушка милова
В матушку во сыру землю,
Ах! как я то горе, горемышная,

Куковать-то буду кокушечкой,
Куковать-то буду день и ночь.
Болезно мое дититко,
Коли дождаться в дороги гости?
Уж тогда видно свидетса,
Когда сойдемся к царю небесному.
Болезно мое дититко,
Не могла наглядетися,
Не могла налюбоватися.
Уж не только на свету-та,
Одна я, матушка,
И у каждой также болезни детоньки,
И много слез горючих.
Уж Бога мы прогневали,
Царя-то мы небеснова,
И Пресвятую Богородицу—
Послала гнев велико-ет
На нас то она, на грешных.
Пресвятая Богородица,
Не вожжалеешь-ли рабов Господних?
Не примиришь-ли эку жись бешасную?
Пресвятая Богородица!
Уж не слышишь воплю великую,
Плач нашу, рыданьицо,
И чажолова вздыханьица?
Была больна я, грешная,
Наказал ты меня, Господи,
Народить чад болезных.
Уж на это на времичко
Была бы болезнь Матушка,
Помогла бы горю великому,
Поуговаривала:
Не растраивайся, болезно дититко,
Проси Царя Небеснова
И Пресвятую Богородицу.
Поди дититко милое в Церковь Божию,
Проси ты Царя, Царя Небеснова,
Не сохранит-ли тебя Господи
На чужой-то на сторонушке
(От) кладные могилушки
И не принесет-ли Господь
На свою-то на сторонушку,
Не погляжу я очам ясным
На свово болезнова дититка?
Не просветит ли Красно Солнышко
Уж в моих-то в очах ясных,
Не обрадует-ли сердечушко,
Не придет-ли жись приятная
По старому, по прежнему.
Уж отстало-бы сердечушко,
Отстало-бы оно нить и болеть,

Наболелось, надорвалось
От жисти от печальные.
Уж пришло-то эо времичко,
Все холодные голодные,
Уж во сети-то ровно скованы,
Уж не ходят с горя ноженъки,
Уж не делают белы рученьки,
Не хватает ума-разума
Во моей-то умной головушке—
Што болезно мое дититко
На чужой оно на сторонущке—
Залетная мташечка,
Горемычная кокушечка.
У меня-то, у злодарные,
Одна только отрадушка:
Уж сходить-то в леса темные—
Уж дуют-то ветры буйные,
Шумят-то леса темные,
Кокуют-то кокушечки.
Закричу я громким голосом:
Не шумите леса темные,
Не разрывайте сердечушка,
Не кокуйте-ко кокушечки,
Не давайте горя сердечушку—
Моему сердцу тошнехонько.
Вы, болезные кокушечки,
Уж вы, вольный-то мташечки,
Уж как сизыем вы крылышкам
Вы слетайте-ко на чужу,
На чужу-то сторонущку,
Отнесите-ко niskой поклон
Болезному мому дититко
От своей родимой матушки.
Уж кокую я день и ночь,
Кричу Царя Небеснова,
Да не слышит-то миня Господи,
Уж мово крику-вопливу
И мово-то воздыханьца—
Прогневала Царя Небеснова
Уж своею жистью нещасною.

Мать по сыну.

Уж, болезно Ладо милое,
Уж куда ты собираишься?
Во какую путь-дорожиньку?
Во каку ты не милую?
Много горинька навидаишься,
Уж как холоду и голоду.
Из-за ково ты воевать пошел,
Ладо милое?

Уж власти все безбожные,
Уж постам-то они не постилися,
Ни почитали ни среды, ни пятницы?
За то наказала всех Владычица,
Они приняли табаки-те, дымы горькие,
Да самовары-те светлые,
Да чай-то сахарные.
Остается много деток малых,
Уж сироток все бещасных—
Как уж они подстреленные
Все мташечки,
Уж и горькие кокушечки.
Уж как горюшка многохонька,
Уж три поля насеяны,
Круты горы накаченные,
К нашему сердцу приваленные.
Мне бы сизы крылышки:
Я взвилась бы высокохонько,
Уж взяла бы я в праву рученьку
Саблю вострую
И срубила бы я буйну голову
Начальникам...

Мать по сыне *).

Уж ты, свет-то мой,
Чадо милое!
Уж ты, кровь-то моя,
Горячая!
Отлетишь-то,
Да мое сладкое,
На чужу-дальню
Сторонущку!
За луга-то,
Да за зеленые,
За леса-то,
Да за темные,
За реки-то,
Да за быстрые,
За моря-то,
Да за синие,
Под пушки-то,
Да под крепкие,
Под ружья-то,
Да заряженные,
В неволюшку,
Да в великую,
Ко царю-то,
Да ко Белому!

*) Записано свящ. П. Пановым, учительницей Трояновой и учителем А. Вознесенским в селе Куниково, Мисковской вол., Костромского уезда 23 января 1900 года.

Сестра по брате *).

Уж об чем я, братец батюшка,
Уж об чем я буду кучиться,
Ты могишь меня и послушаться.
Ты пади-ко, братец-батюшка,
Ты пади-ко во резвы ноги,
Что своим да братцам милым,
Не оставили-б тебя горького
На чужой-то ли дальней стороне,
Чтоб прислали бы золотой казны.
Я сама бы знаю, ведаю:
Не тебе бы надо кучиться,
Не тебе бы надо кланяться,
Как лежать бы во резвых ногах
У тебя ли, мой ясен сокол,
Что твоим-ли братцам милым,
Со своим да с молодым женам,
Нынче годы то не экие.
Уж твой-то ли родители
Что старым они старешеньки,
Что слабым они слабехоньки
И не ихня воля-большина,
Как во этой золотой казне.

*) Записано учителем Ст. Шаровым 15 марта 1900 г. в дер. Заметаихе, Богородской вол., Варнав. у.

ПРИЧИТАНИЯ

записанные Ф. Д. Нефедовым в Кологривском у., Костромской губ.
в 70-х годах *).

Мать по сыне.

Родимый ты мой сынок Гаврилушка,
Куда то мы тебя собираем?
Не в гости, не на работушку,
Собираем в дальну сторонушку,
На службу к царю батюшке.
Все-то мы не думали, не гадали,
Что придет к тебе эта долюшка.
Мы надеялись на Господа,
Что избавит Он тебя этой дороженьки,
Как избавил твоих братчиков
Григория со Иваношкойю.
Знать, судьба твоя похуже их!
Как мне жаль тебя, мое дитятко!
Не увидят тебя больше мои глазеньки,
Человек я не молоденький,
Да и силушки, как не было,
Не дождусь уж я прихода твоего
Без тебя-то, ты жалельник мой!
Снесут мои косточки во сыру землю,
Без меня-то и жене твоей
Житье будет не попржнему.
Молись, молись, дитятко,
Чтоб Господь продлил дни мои,
А теперь-то я себя плохо чувствую,
Да и с этой-то заботушки
Не надеюсь сама выжить.
Не хотелось бы, дитятко,
Мне с тобой раставатися.
Говорят люди добрые,
Что пришло время тяжкое,
Подымается туретчина.
Не миновать тебе дитятко
Быть убиту в поле турками,
Да и к нам придет, поганый он.
То-то, то-то, мы несчастные,
Дождались чего, сердечные,
На чужой-то на сторонушке
Всего ты много напримаешься,

*) Печатаются по копиям, присланным из Владимирской Губ. Уч. Арх. ком., где и хранятся подлинные записи. Копии списаны по новейшему правописанию. Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность Н. В. Малицкому, оказавшему содействие Научн. Об-ву в деле снятия копий с подлинных записей. Примеч. Ред.

Много увидишь там неволюшки.
Там не как дома, дитятко,
Не залезешь там на печку,
Не погреешься хорошенько;
Там не выйдешь ты на улицу,
Не погуляешь на свободушке;
А пожалуй там и до-сыта
Не дадут тебе и хлебушка.
Служи, служи, мое дитятко,
Государю Царю Батюшке:
Не покинет он, кормилец наш,
Вас солдат бедных.
Ох, не вытерпит сердечушко,
Умру с горя я старехонька.
Не учишь ты, мое дитятко,
Табаку курить поганого.
Я слыхала, мое красное,
Что во службе и в пост едят мясное:
Не грешка-ка ты кормилец наш,
Не скверни уста сахарные.
Накажи-ка мое дитятко
Молодой жене меня слушаться.
Прикажи-ка ты, сударик наш,
Жить ей с нами все по прежнему,
Все по-прежнему, по-хорошему,
Не браниться и не ссориться.
А как выростит мальченка твой,
Мы поучим его грамоте.
Вот тебе благословение,
Храни свято мою заповедь.
Молись Богу постоянно ты—
Не покинет он своей милостью.
Попроси-ка ты, родимый сын,
Своих братьев, своих сродных,
Чтоб не оставили они тебя
На чужой-то на сторонешке,
Да и здесь бы пожалели нас,
Сирот горьких, несчастных.
На царской-то службе живи мое дитятко,
Живи хорошенечко,
Уважай начальников,
Слушайся, как дома нас.

Жена по муже.

Любезный ты мой друг Гаврилушка!
Куда ты от меня собираешься?
На кого ты меня покидаешь?
С кем прикажешь без тебя мне жить?
Итти к родимому батюшке?—
Да он теперь не рад будет.

А остаться здесь у свекра батюшки,
Без тебя, мой друг, много горя я увижу.
Когда я шла за тебя, мой друг,
Не думала, что тебя отдадут в солдаты.
Никто мне без тебя
Ни одежды, не сошьет, ни башмачков не купит.
Не жаль бы мне тебя было,
Если бы ты у меня был буян,
Или пьяница, или распутник:
А то я жила за тобой,
Как за каменной стеной.
Я не видела ни горя, ни заботушки,
Была спокойной, всем довольна.
А теперь дружочек мой,
Много горя я вижу, много заботушки;
Без тебя, мой друг, придется
Терпеть много разной напраслины, неприятности.
Все прошли мои радости,
Все прошли мои красны дни.
Не тужи мой любезный друг,—
Видно так угодно Господу,
Проси у него милости:
Служи верой правдой,
Почитай чиновников,
Не обижай добрых людей,
Не бери ты чужого,
Не забывай Бога.
Если сам будешь набольшим,
Будь милостив к служивым:
Они твои братья.
Знать на роду тебе так написано:
Если бы все дома сидели,—
Пришли бы неверные
Басурмане всех бы нас передушили:
Попроси-ка ты своего батюшку,
Да родимую-то матушку,
Чтоб не оставили они меня,
Сироту горькую, одное с малюткой горе мыкати.
Попроси-ка родных братчиков,
Чтоб не давали они меня в обиду
На смех добрым людям.
Не надеюсь я, любезный мой,
Возвратиться тебе с поля здоровому:
Говорят все люди добрые
Подымается война тяжелая,
Идут турки некрещенные,
Всех порежут нас несчастных.
А тебе-то мой любезный друг
Неприменно быть убитому.
Как мне жаль тебя, любезный мой,
Так судьба твоя несчастлива.

Без тебя, любезный мой,
Никто мне ничего ни с базару,
Не из гостей не принесет.
Без тебя, любезный,
Будут делиться братья,
Не дадут они мне никакой долюшки.
Много горя я увижу, много неприятностей.
Благослови ты, любезный мой,
Своего сынка горемычного,
Да прикажи ему быть не пьяница, не кот,
Чтоб слушался меня горемычную,
Уважай людей добрых.
Прости мой любезный друг,
Не тужи, не горюй о нас сиротах,
А проси-ка больше Господа,
Чтоб не оставил Он нас
И тебя своей милостью.

Тетка по племяннике.

Родимый ты мой племянничек Гаврилушка!
Куда ты от нас собираешься,
На кого ты покидаешь молодую жену
С сынком маленьким?
Кто без тебя их защитит
От обид и разных напастей?
Без тебя, родимый мой,
Много они увидят всякого горюшка.
Без тебя, родимый мой,
Не посмеют они за стол сести обедати.
Без тебя, родимый мой,
Ни одежды, ни обуви.
Кто без тебя их пожалеет,
Кто без тебя их приголубит?
При тебе жили они спокойно,
При тебе никто их не обижал,
А без тебя все-то они напримаются:
Ныне люди злые, народ хитрый,
Всего наговорят про твою молодую жену,
Наплетут разных небылиц,
Да и сам то ты будешь сомневаться.
Жаль мне их горемычных
А жальней тебя, сударик мой,
Сам ты больше их напримаешься,
Примешь много голоду и холоду.
Кабы было теперь время мирное,
Все бы мы так не заботились.
А то наступает время военное,
Едва-ли ты, родимый наш,
Воротись с поля здоровым.
Слышит мое сердечушко,

Что не быть тебе живому,
Убьют тебя турки некрещенные,
Не увидят тебя больше мои глазоньки.
Не жаль бы было тебя, дитятко,
Если бы ты был у нас какой распутный,
А то жаль: ты у нас,
Как красна девушка.
Пьяным мы тебя не видывали,
Ни с кем ты у нас не ссорился,
А пришла к тебе эта долюшка,
Доля горькая несчастная.
Всех несчастней ты своих братчиков,
Их Господь избавил этой дороженьки,
А тебе привел за всех страдать.
Не ропчи ты, наше дитятко,
На судьбу свою горемычную,
А проси-ка лучше Господа,
Чтоб не оставил Он тебя на чужой сторонушке,
Помог бы Он в трудах тебе.
Жаль мне тебя, родимый мой,
Без тебя и мне плохо будет жить,
Никто мне без тебя
Ни дров не нарубит, ни обуви не подошьет.
Бывало я этого горюшка не видала,
Ныне мне будет много хуже прежнего.
Не тужи мое дитятко,
А служи Государю Царю Батюшке,
Не оставит он вас
Солдат бедных без наградушки.

Сестра по брате.

Родимый ты, наш братец Тимофеюшко,
Куда ты от нас собираешься?
Аль не жаль тебе батюшку с матушкой,
Молодую жену с мальчиком?
Много горя без тебя они увидят,
Много бедности;
Стары наши родители
Не перенесут они этого горюшка,
Они с этой то заботушки
Сойдут во сыру землю—
Тогда что будет с нами бедными?
Без них и жене твоей не житье будет,
Да и самому тебе,
Как Господь велит воротиться,
Все бы лучше притти к родимому батюшку,
Чем к чужим людям;
Да не думаю, чтоб-то сбылось,
Чтоб велел Господь воротиться.
Говорят люди добрые,

Что война идет сильная,
Поднимается турка поганая,
Убьет она тебя некрещеная,
Не увидим мы больше тебя,
Ненаглядный наш.
Ох, судьба твоя горемычная,
Сколько горюшка примет твоя головушка,
Примешь ты много голоду и холоду;
Там родимый братец не залезешь на печку,
Не погреешься, сколько надобно,
Не погуляешь на улице
С добрыми людьми на свободушке,
Не повеселится твоя головушка
Не услышим мы больше твоих песенок,
Не увидим больше ясных твоих очей.
Прости, прости, ненаглядный наш,
Да пиши почаще письма к нам.
Прикажи-ка ты, родимый братец,
Молодой жене отца с матерью больше слушаться,
Да вели ка ей по-смирнее жить,
Да поменьше гулять.
Ныне люди злые всего наговорят:
И правды, и небылицы.
Я сама, братец, солдаткой была,
Много видела всякого горя и заботушки.
Не тужи, родимый братец, не горюй,
Бог все сделает по своему.

Мать по сыне, увозимом в солдаты.

Ты мое цадо милое,
Ты мое да любимое,
Ты мое да ненаглядное
Уж как я, горькая горюха,
Я в утробе тебя носила,
Ростила, поила и кормила,
Добрые люди тебя не видели,
А теперь, цадо милое,
Скоро люди тебя увидели:
Подкосили, подрезали
Наши резвы ноженьки.
Ще разлуцят, цадо милое,
По скору поскорехонько,
Ще угонят тебя, кормилеч мой,
Далеким далекохонько
Во службу государскую,
Во неволю великую.
Не спознаю я, горюха,
Не видаю, не сведую,
Когда што с тобой состанетча:

Либо смертоцка смертная,
Али болестоцка цажолая.
Угонятат тебя под сабельки вострые
Под ножи под булатные!
Я о цем тебя, цадо милое,
Поклонюсь тебе да покланяюсь:
Ты пиши-ко, цадо милое,
Да на родимую сторону,
Ты пиши, все выписывай
Ты свое житье горькое,
Ты свою кару, маяту.
Ты пиши, все вынисывай
На свою рбдну сторону
К нам да к родителям.
Уж мы станем отписывать
Не пером тебе, не чернилами,
А своим горюющим слезам.
Ты скажи-ко, благословенно дитяtko.
Как то нам жить да быть,
Нам самим прокормиться?
Ой, несможно нам, горюхам,
Работки работати,
Несможно по сырой земле ходити,
На свет вольный глядети
Со такого горя-круцины,
Со пецали великия.

Мать по сыне.

Ще не солнышко красное
Из-за лесу выкаталося,
Из-за гор подымалося,
То мое цадо милое
Из тепла гнезда подымалося,
А мои то ясны оци
Не глядят на белый свет,
Ще не идут да резвы ноги,
Подкосило, подрезало
Без косы без вострыя,
Без ножа булатного.
Провожаю я тебя, горюха,
Не к Николе святителю,
Не к Николе молиться
Не к пресвятой Богородиче,
Я тебя не в любы гости,
Не к своим—то я родным,
Провожаю я тебя, горюха.
Далеким далекохонько
На пужую дальну сторону,
Я во службу во чарскую,
Во неволю великую,

В города во украиные,
Под сабельки вострые,
Под пушечки медные,
Не спознаю, не сведаю,
Когда смертоцка тебе состанетча.
Уж я стану коковати
По утру ранешенько
По вецере позднешенько.
Я с кукушкам со горюшецкам,
Я со мташкам со горькими,
Со красным со солнышком
Уж я стану посылати:
Отнеси, красное солнышко,
Целобитье—низкой поклон
Моему паду милому
Во неволю великую,
Во службу государеву.
Отныне я стану, горюшецка,
Спрашивать красно солнышко:
Уж ты видело ли моего пада,
Моего пада милого?
Ты скажи, где видело,
На какой каре, маяти?
А не забыть то мне горюхе.
Этого горя великого
Отныне и до веку
До матушки сыры-земли.
В те-поры, забуду,
Когда придет смертоцка скорая,
Положат, меня во сыру-землю
Под нову гробову доску.

Сестра по брате.

Как забыть тебя, батюшка,
Кровного да утробного?
Братеч, милый батюшка,
Провожаем мы тебя
Далеким далекохонько
Во неволюшку великую,
Во службичу царскую,
В города во украиные.
Мы станем все коковати
По тебе да горевати
По утру раным ранешенько,
По вецере позным познешенько.
Кабы был ты, братеч—батюшка,
Был бы ты большой помощник,
Да в работе ты большой пособшицик,
Не знала бы я, горюха,
Этого горя я, круцины,

Пецали великия,
А топеря мы горюхи,
Станем по тебе коковати,
По тебе да горевати.
Все имеем мы глядети
От тебя целобитьича радости.
Со пужия сторонушки,
Из неволи великия,
Со службичи царския:
А дождемся, доглядимся,
Как целобитье нерадостна,
Так лишимся ума-разума.
Мы прижмем к ретиву сердчу
Да его ко белу личу.
Станем мы тебя поминати
Да тебя повелицати
По утру ранешенько,
По вецере позднешенько,
Со своим то кормиlichem,
Со родимым батюшким,
Со родимой матушкой.
Не забудем мы до века
Про твою то неволюшку,
Про твое житье горькое,
Про твою кару маяту.
Разлуцили видно, братеч батюшка,
Разлуцили нас на веки.

По сыне, которого отдают на военную службу.

Как тебя ли, мое дитятко,
Провожаю я да родимое,
Во дальную да во сторонушку,
За реки-те да за быстрые,
За леса-те да за темные,
За моря-те да за широкие?
Да тебя ли, мое дитятко,
На край да свету вольного?
Пишика-ты да мне дитятко,
Весть да грамотку:
Не пером да ты не чернилами,
Ты пиши-ка мне, родимо дитятко,
Пиши-ко мне, сиротинушке,
Своим да горючим слезам.
Ты оставил, мое дитятко,
Меня ли да сиротинушку,
Старым-то да старинешеньку,
Глупым-то да глупешеньку.
Уж я то, сиротинушка,
Одним-то одна одинешенька,

Да как стану я сама себя кормить?
Не сад был вас насажен,
Больно одно то родимо дитяtko,
Кормила я тебя сиротинушку
Из малых да из глухих-то,
Да выкормила про царя батюшка.
Напишу то я, сиротинушка,
Да к тебе на чужу сторонушку,
Напишу да я письмо-грамотку
Не пером то и не чернилами,
А своими горячим слезам
Про свое житье горемычное.

Магазин 48
4 р.

4
3879/8

